ПРО «САВЛА И ПАВЛА»

У нас на Бору поставили памятник Сталину. Меня пригласили на открытие. Собралось достаточно много народу. Были люди в погонах, говорящие добрые слова о советском-сталинском периоде, от которых исходило понятие «честь имею», хотя, в общем, все собрание напоминало собрание по типу бывших демонстраций. Мое присутствие там, хоть и в малой мере, вызывало во мне самом, и, думается, в окружающих (не во всех), знаемых и многих знакомых (я был в священнической одежде и с крестом на груди) некоторую двойственность и некомфорт, впрочем, легко переносимый, и, в конце концов, исчезнувший. И то сказать: всё это наша история или часть нашей истории, и уж точно не самая худшая, хотя...

В наше время присутствие священника, казалось бы, в некоторых собраниях не всегда уместно, но привычно по факту, и я мог предположить, что мне дадут слово. С первых же вступительных моментов я увидел, что этого не произойдет и этому ощущению обрадовался (как-никак напряг, и не очень мне нужный, но слово, тем не менее, как-то сложилось)... И вот каково оно было бы:

— Фигура Иосифа Виссарионовича спорная, но уважаемая большинством россиян, а существующей администрацией пренебрегаемая...

Если кратко сказать о художественном достоинстве памятника, то оно слабо и оставляет желать лучшего, хотя просматривается некоторый интерес: герой образом своим, фигурой как бы с народом. Простая поза, не в мундире, только если бы идею талантливо решить-воплотить, многое (начиная с выбора места) могло бы быть, да не получилось... Главное, что я бы сказал:

— Известный всем апостол, прежде чем им стать, носил имя Савл. Потом стал Павлом... Мы должны историю свою знать всю, в полноте, какая бы она ни была, потому что она, наша история Российская, трагическая и скорбная, созидательная — вся наша, а не переделанная под кого-то. На «переделку», как мы знаем, старателей было и есть немало. И они, старатели, сильно преуспели в очернении Сталина. Иосиф Сталин не ангел, но и не персона, на которую можно свалить (и свалили) многое ему не принадлежащее (или исправленное по ходу в силу исторических перипетий). «Гильотину» включал не он. Система начала работать раньше, чем он стал правителем. Он в нее включился и, может быть, достаточно долго был исполнителем. И был «Савлом» — гонителем, а потом

^{*}Продолжение. Начало в № 63, 64, 65.

стал «Павлом», полюбившим Христа. История нам это показала, надо только в нее внимательно вглядываться и изучать, а не судить по «ярлыкам», в изобилии развешанным либералами-троцкистами, с двойным и даже тройным гражданством и почему-то крепко сидящих в России, продвигающих свою разрушительную идеологию. Упорно и настойчиво, с закулисной поддержкой.

Хочется сказать несколько слов о реакции одной прихожанки, удивившейся моему присутствию на открытии памятника и возмутившейся моим примером с «Савлом и Павлом». (Как можно сравнивать апостола с «этим»?). Сравнивать — ни в коем случае, это суд Божий, а сходство «перестройки» и даже «преображений» и там, у Апостола (читайте «Деяния Святых Апостолов»), и в истории с Иосифом Сталиным налицо... Но одно дело эмоции — крылатые фразы, «ярлыки» — и другое дело авторитетные высказывания или чьи-то воспоминания, отзывы о сталинском времени. Кажется, при Хрущеве был период, когда ввели карточки на продукты и люди возмущались, приводя в пример Сталина. Он каждую весну (не помню, к какому числу) понижал цены на продукты (в период с 1946 по 1952 годы). Далее он не успел. В 1953 году он умер. Я и сам помню этот день. Пятого марта утром на трамвайной остановке мне и другу по художественному училищу сообщил эту трагическую новость третий однокурсник, пеняя нам (в ожидании трамвая) на нашу веселость (мы по утрам «Новости» не слушаем), а он — партийный, и жена у него партийная... Его переживание было ясно выражено. И в трамвае, помню, было молчание. Необычное, выходит, что гробовое. В нашей семье ничего подобного не ощущалось. Мы политикой тогда не интересовались. Это потом, много позже, может быть, уже при священстве мне пришлось читать положительные отзывы об Иосифе Виссарионовиче.

Вспоминая, где эти отзывы встречались, отыскивал... Дело ведь не в том, что кто-то уважает Сталина и достойно оценивает, а кто-то его проклинает. Дело в том, повторюсь, что это наша история, и, насколько это возможно, оценки ее должны быть объективными и достоверными, подтвержденными фактами, примерами, чтобы молодое поколение знало: что есть что и кто есть кто.

В дополнение к вышесказанному приведу отрывки из двух книг. Первый — из «За тайной гранью» Валерия Сдобнякова, куда вошли его дневниковые записи. Второй — из книги православного публициста, историка Владимира Цветкова «Вера в Бога у меня от мамы». В один из разделов этой книги вошло интервью главного редактора журнала «Вертикаль. XXI век», председателя Нижегородской областной организации Союза писателей России Валерия Сдобнякова с Владимиром Георгиевичем Цветковым.

1. «У Николая Михайловича Коняева в статье «Особенности

либерального террора в России» прочитал рассуждения, созвучные с моим пониманием личности И.В. Сталина (особенно в период уничтожения «Ленинской гвардии»). Выпишу довольно большие цитаты сюда для памяти. (Написание статьи автором помечено: 23 декабря 2008 года, Санкт-Петербург).

«Разумеется, нельзя забывать о просчётах И.В. Сталина: об антина-

родной коллективизации, о жестоких репрессиях 30-х годов, об ошибках, совершённых в ходе Великой Отечественной войны... Но предъявляя Сталину эти претензии, надо всё-таки разделять его личные, частные ошибки, и те системные преступления власти, которую Сталин и пытался изменить и которую изменил, вырубив созданную Лениным и Троцким — выражение Г. Пятакова! — «чудо партию». Поэтому когда мы говорим об уродливо проведённой коллективизации, о миллионах раскулаченных, не будем забывать, что И.В. Сталин был, может быть, единственным советским руководителем, который сумел (вспомните его статью «Головокружение от успехов»!) всё-таки остановить рас-

праву над русскими крестьянами. Уместно упомянуть тут, что из восьми руководителей, возглавлявших преступную коллективизацию непосредственно на местах, семеро (Станислав Косиор, Шая Голощёкин, Роберт Эйхе, Борис Шеболдаев, Мендл Хатаевич, Юозас Варейкис, Карл Бауман) вскоре были расстреляны.

Либеральные историки склонны видеть в статье... и в расстреле... лишь проявление сталинского лицемерия, его особого коварства. Это, разумеется, не так. Это же касается и репрессий, в которых обвиняют И.В. Сталина. Да, жертвы, понесённые русским народом в ходе чисток 30-х годов, весьма тяжелы. И хотя многие жертвы лежат на совести связанных с Троцким и Зиновьевым чекистов (пытаясь остановить затеянную Сталиным чистку, они сознательно арестовывали и уничтожали совершенно невинных людей), и хотя Сталин и сумел привлечь к ответственности этих выродков, все равно это не снимает с него вины, как с непосредственного руководителя нашей страны.

вины, как с непосредственного руководителя нашей страны. Но, упрекая Сталина за 37-й год, не будем забывать и того, что если бы в ходе этих чисток Сталину не удалось уничтожить всех этих троцких, зиновьевых, бухариных, каменевых и иже с ними, то не было бы сейчас ни России, ни Православия, и вся наша страна с её народами и природными богатствами была бы израсходована в интересах международного Интернационала... Постепенно начинаем мы понимать, что наши либералы так пламенно ненавидят Сталина не за то, что при нем было уничтожено много русских людей. Они ненавидят Сталина за то, что он уничтожил систему уничтожения русского народа, которая была создана Лениным и Троцким со товарищи». (Валерий Сдобняков, «За тайной гранью», Нижний Новгород: «Вертикаль. ХХІ век», 2020.)

2. В.С. Три ваши книги — «Месть Хрущёва», «Красивая кукла Троцкого», «Православный вождь» — так или иначе, посвящены жизни и деятельности руководившего нашей страной в послеленинский судьбоносный период Иосифа Виссарионовича Сталина. В своих книгах вы разделяете взгляды его сторонников. Чем для вас значима эта историческая фигура?

В.Ц. Во-первых, я счастлив, что являлся современником великого советского вождя и был свидетелем и участником того всенародного горя

марта 1953 года, которое невозможно изгладить из человеческой памяти и моей, в частности. Во-вторых, И. В. Сталин — творец эпохи созидателей и победителей, живших только интересами страны и простого народа. Он лучше, чем кто-либо, показал на практике неисчерпаемые и неограниченные возможности России по укрощению любого планетарного зла, источник которого заведомо известен и открыто указывался еще выдающимися русскими патриотами — С.А. Нилусом, И.А. Ильиным, А.С. Шмаковым и другими. Все попытки вытравить И.В. Сталина и его жизненный подвиг из нашего сознания тщетны. Они не новы в русской истории. В ней как раз всегда достаётся тем, кто больше всего верой и правдой послужил России. Но «достаётся» от псевдоисториков и псевдоистории, будущая участь которых незавидна. От ответственности никто из них не уйдёт. И, в-третьих. Я лично обязан И.В. Сталину своим рождением. Я родился в 1946 году, а за десять лет до этого он запретил аборты в СССР. За них была установлена в стране уголовная ответственность. Так что, если бы

не вождь, я бы мог и не родится. Как же мне не благодарить его?!.. Вот с этих позиций благодарной памяти к великому человеку и сделаны приведённые вами три мои книги о вожде. Они призваны рассеять ту клевету, в которой пытаются утопить его имя. Однако лучше И.В. Сталина, который сказал: «Правду охраняют батальоны лжи», пожалуй, выразиться невозможно. Пример недобитого троцкиста Хрущёва в этой связи весьма показателен. Как ни старался он сгустить чёрные краски в своём бессовестном подложном докладе 25 февраля 1956 года, от него не осталось ничего, кроме личного позора клеветника, о котором сегодня не услышишь ни одного доброго слова. В подлом докладе против И.В.

Сталина не обнаружили ни единого правдивого факта! Наверное, не зря ему не нашлось места и в Постановлении XX съезда, где имя вождя не упоминалось вообще. Нам же, играя на нашей доверчивости, постоянно, долгие годы твердили о разоблачениях, о культе. В другой книге я стремился показать непростую предвоенную обстановку в СССР, в которой громадный антисоветский троцкистский заговор готов был ввергнуть страну в страшный хаос и страдания. И.В. Сталин решительно пресёк эти поползновения, сам всё время находясь в смертельной опасности. К великой моей радости ныне выходят одна за другой прекрасные добросовестные книги о советском вожде. Но этой стихийной «Сталиниане» явно недоставало ещё одной. Восполнить возникший пробел и попыталась книга «Православный вождь», которую считаю своим главным трудом. Многочисленные взволнованные и растроганные отзывы о ней читателей лишь убеждают, что он был принят не напрасно. (Владимир Цветков, «Вера в Бога у меня от мамы». Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», 2015 г.)

Из этого высказывания мы видим, что можно еще продолжить подобные отзывы о вожде: «выходят одна за другой прекрасные добросовестные книги». Мы же за неимением времени остановимся на сказанном, но немного поразмышляем.

В идеологии сегодняшней фальшь, ложь и лицемерие продолжаются. Не будет удивительно, если памятник, о котором мы начали разговор, снесут. Но истины в этом акте не обретётся, как и в том далеком местном эпизоде, о котором я хочу рассказать.

В шестидесятые годы в Борском парке (рядом со стадионом «Спартак») была скульптура: Ленин и Сталин сидят на скамье. В какой-то момент фигуры Сталина не стало, остался один Ленин. Местный обыватель (хотя подобные случаи, наверное, были не только на Бору) остался или одурманенным пресловутым «культом», или раздраженным: одни Сталина почитали, другие проклинали, а вместо объективного объяснения — только ярлыки. Обывателю же оставалось задавать вопросы типа «могли ли сидеть на одной садовой скамье Ленин и Сталин, если последний, как пишет Коняев в своей статье, «уничтожил систему уничтожения русского народа, которая была создана Лениным и Троцким со товарищи»?»... И к чему же, братья, мы пришли?... Остался «сидеть на скамейке» кто?... Уважаемый читатель, простая логика обывателя (многочисленный

Уважаемый читатель, простая логика обывателя (многочисленный народ, не очень интересующийся искусством и политикой) приводит к выводу: Сталин и не должен был сидеть изначально с Лениным. И просматривается факт (наверное, вмешательство Промысла Божия): Иосифа Сталина скоренько изъяли из Мавзолея (молодые, может, и не знают, что 8 лет Сталин лежал вместе с Лениным) и похоронили как христианина, который стал «Павлом», а оставшийся лежать остался «Савлом», «гонителем». Хотя сторонники его «лежания» так не считают...

Идеи построения светлого будущего по факту не оправдались, но в головах прочно засели... И это бы ладно — «преданья старины глубокой», было и прошло... Прошло? Что касается нравственных основ, вряд ли проходит бесследно. Ложь, фальшь и лицемерие, бывает, что вольно или невольно, знаемо или незнаемо, продолжаются. Они живучи, и подчас не замечаемы.

Листаем последний номер газеты «Бор сегодня». Предвыборная страда. Депутаты, депутаты, депутаты. Новые лица: молодые, красивые, корошие, искренние, говорят о справедливости, о борьбе с коррупцией, о служении людям... Перелистываем страницу, и вопиющий факт: вандализм на Липовском кладбище (в скобках помечено, что не только на нем). Статья под рубрикой «Проблема». Человек жалуется. Возникает невольно вопрос «кому?», потому что из статьи не видно, что «проблемой» будет кто-то заниматься.

«Приехали на могилу, обнаружили, что несколько секций кованой ограды с могилы украдены. Объехал несколько пунктов приема метал-

лолома. В полицию обращаться не стали... Моей маме сам факт кражи причинил сильную боль. Здесь похоронена ее первая семья, трагически погибшая в один день: муж, двое детей и мама. Кем нужно быть, чтобы воровать с кладбища?»

Вопрос можно продолжить: человек, совершивший такой мерзостный поступок, продукт какого общества? И им (или ими) кто-нибудь занимается? Нет, конечно...

Это сегодняшняя наша действительность, опрокидывающая радужные предвыборные картинки (так сказать, местная, не относящаяся ни к какой политической партии). А в масштабе страны и мира, там так же мерзко и нечеловечно. Перечислять долго, а потому назовем только последние: Белоруссию и Черногорию... Разделяй и властвуй...

На днях пришлось случайно говорить с грузином. Он, как и свойственно кавказским народам, горячо обсуждал свою проблему — с Абхазией. Не все можно было принять и согласиться (может быть, в силу плохого знания истории), но вывод его был, безусловно, правильным: «Было же как? Мы с русскими жили дружно, и с абхазами, и со всеми... И на Рейхстаге флаг вешали. А теперь что? Кто нас разделил? Какой или какие правители продались и предали?.. При нем бы так не было...»

Прошло 67 лет после смерти Сталина. Борьба продолжается во всех сферах нашего бытия. «Рейхстаг» был виден: путь к нему был долог и кровав, народы нашей страны пришли и разрушили фашистское гнездо. А ныне сплошной туман и смута, сориентироваться и выйти из него может только нравственно чистый человек. И из таких человеков — Общество... Новым депутатам есть чем заняться. Вот только ориентиры кто определит? Компас у кого?

Вчера по «Спасу» слушал интервью Анны Шафран с Ольгой Васильевой, человеком всю жизнь трудящимся в сфере образования. Она очень тепло и сердечно отзывалась об Иосифе Виссарионовиче Сталине, приводя факты, говорящие о его особом внимании к важнейшей теме образования...

Как-то немного полегчало на душе...

Сентябрь 2020 г.

КОВИДНЫЕ ЗАКАВЫКИ

Исповедуем... Исповедую.

Господи, я не знаю, как мне жить сегодня. Мысленно я воздеваю к Тебе руки, взывая о мудрости и устроении в сердце тишины и мира, а фактически нахожусь в смятении и растерянности. Столько вокруг неразберихи и страхования...

Один знакомый нижегородский батюшка при встрече пошутил: «Нами сегодня управляет Роспотребнадзор и баба Маня с 17-го этажа. Дети ее уговорили продать дом, купили ей «однушку» на 17-ом этаже (ниже были, но дороже), но баба Маня человек еще активный, свой бывший приход она жалеет, и помнит, и заботится. Все знакомые ей звонят, и она в курсе всех перипетий и заботу свою распростерла до того, что позвонила батюшке-настоятелю и говорит ему: «В вашем (нашем) храме очень многие заболели коронавирусом, и храм надо дезинфицировать...» Батюшка от неожиданности онемел так, что пауза затянулась, и бабе Мане пришлось напоминать, кто она. Конечно, батюшка ее прекрасно помнил и ценил ее заботливость (но не настолько же!), но сдержал себя и что-то уклончиво ей ответил. Постарался успокоить, а про себя, ругая

менно надо произвести, только не в храме, а в голове». Поворчал бы, да и ладно, но из головы не выходил заботливый звонок. Говорит: «Ведь лет двадцать я ее знаю. Прилежная прихожанка, и чего же я ей (им) недосказал, что «дезинфекция» ей понадобилась. Что в голо-

свою внутреннюю грубость, проворчал: «Дезинфекцию, мадам, непре-

Ее в алтарь... После Литургии бывает водосвятный молебен (из своей практики знаю, в некоторых храмах так было заведено каждое воскресенье). Всех окропляют святой водой. Кроме того в храме крест, иконы, бывает, с частичками мощей. Еще ранее, до Литургии на исповеди священник говорит: «Се чадо Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое», «вы пришли во Врачебницу».

Церковь-врачебница!.. Конечно, возможна в силу каких-то чрезвычайных обстоятельств дезинфекция от санитарных служб, так после них (химия!) святой водой все пространство окроплять надо... И куда все эти понятия делись у бабы Мани и у многих из нас? Куда? Чего мы им недосказали, Господи?.. Виноваты и мы. Беда общая. Как не понимать,

что все случившееся — это попущение Божие, Промысл Божий, «информация к размышлению», как говорил один киношный герой. А Промысл Божий разве так — панически — надо принимать? Забыв достояние

Причастились! Священник осеняет Чашей всех молящихся и уносит

Огнем Божественным? Никаких!

наше: Церковь Христову и Таинства Ее?

вах наших происходит, что мы всё про Храм Божий позабыли? Куда и на что смотрит человек, приходящий на Службу Божию? Церковь только и делает, что «дезинфицирует» входящий в Неё «мир»! С чего начинается служба? Каждение: ладан-огонь, дым, благоухание. По всему периметру храма и много раз и за Всенощной, и за Литургией. В конце Божественной Литургии выносится Чаша, о Которой священник и готовящиеся к причастию люди читали (наряду с другими молитвами): «Боготворящую Кровь ужаснися человече, зря: Огнь бо есть... Попали Огнем невещественным грехи моя»... Какие могут быть препятствия и помехи перед

«Царю Небесный... везде сый и вся исполняяй... жизни подателю...» или «Творец видимым всем и невидимым». Эти все молитвенные слова куда у нас подевались? Или что, Христос изменился? Нет, как вчера и днесь, Тот же. Так почему мы так смутились глубоко, что и Храмы покинули? Понятно, если заболел, то дома сиди, а если прошло две-три недели и поправился, то бежать бы в Церковь. Ан нет, самоизоляция. Заболеть можно. И кому угодно. И в храме тоже физические законы — сквозняк, вспотел, прихватило — никто не отменял. Никто не застрахован, но и думать мы должны, сопоставлять, что Господь, Церковь завещают, а что «некто» извне, и к чему их завещания склоняют.

Антихристовы программы в действии и успехи, кажется, налицо.

А мы в глубоком смущении и душевном раздрае пребываем. В Евангельском чтении в среду 28 октября читаю и удивляюсь, как толковник Феофан Затворник вразумляет нас, ныне читающих: «В один день Он (Христос) вошел с учениками Своими в лодку и сказал им: переправимся на ту сторону озера. И отправились! Во время плавания их Он заснул...» (Лк.VIII, 22-25). По-человечески утрудился, и удобный случай. Заснул. И бури на озере в тех краях крайне редко бывают. Но надо вразумить Учеников, чтобы запомнили и потомков научили. И вот 2000 лет мы читаем. И для нас тоже назидание: заснул Господь и началась буря (условно в 1905 году). И долгой была буря, такая, что полмира перевернула и кру-

шения-последствия продолжаются...
Но что говорит толковник: «Садясь в лодку, чтобы переплыть на другую сторону озера, думали ли апостолы, что встретят бурю и подвергнут свою жизнь опасности? Между тем вдруг поднялась буря, и они не чаяли уже остаться живыми. Таков путь жизни нашей! Не знаешь, как и откуда налетит беда, могущая уничтожить нас. Все окружающее вдруг может превратиться в орудие смерти нашей. Отсюда закон: живи так, чтобы каждую минуту быть готовым встретиться со смертью и небоязненно вступить в ее область. Сию минуту жив ты, а кто знает, будешь ли ты жив вследующую? По этой мысли и держи себя. Делай все, что следует по порядкам жизни твоей, но никак не забывай, что можешь переселиться в страну, откуда нет возврата. Предав жизнь свою и все в

руки Божии, час за часом проводи с мыслью, что каждый из них — час последний. В жизни от этого умалится число пустых утех, а в смерти несчетно будет вознаграждено это лишение радостью, которой ничего нет равного в радостях жизни» (святитель Феофан Затворник. «Мысли на каждый день года»).

Хорошо ты говоришь, святитель, но мы тебе не верим. То есть не то чтобы не верим. Верим, но так жить не можем. Или не хотим. И мысли свои не напрягаем, чтобы понимать это и осмысливать. Мы привыкли жить в комфортном христианстве, хотя и начинаем видеть, что оно — «комфортное» — явно кончается... и наступает настоящее?! А оно требует подвига. А к подвигу кто готов?

Известный проповедник Андрей Ткачев говорит: «Может быть, мы дожили до «пришествия антихриста», но тогда мы должны встретить его достойно христианина». А как это — достойно? За ним ведь судия-Христос придет. И Его нужно встречать! А это значит, что мы должны каяться, бегом бежать в Храм Христов... А не из храма, как это сегодня на практике получается.

С ним, с проповедником, можно не соглашаться. Там, в Апокалипсисе, есть еще место, где говорится что «живые будут завидовать мертвым» и хотеть умереть. У нас же сегодня: мы не хотим умирать и боимся всего, что вокруг этой спущенной нам, так называемой пандемии, больше, чем Бога. А так быть не должно у христиан.

Печальное наше состояние.

И что делать?

Старому человеку этот вопрос излишен. Что толку его решать, если «завтра» умирать, и слова, сказанные Ефремом Филофейским (Аризонским) о своем старце Иосифе Исихасте, так близки и вожделенны к уму и сердцу. И ты о них помнишь-перечитываешь и как бы руководствуешься: «Уже давно Старец (Иосиф Исихаст) желал смерти, ибо спокойная совесть извещала его, что он подвиг добрый совершил (1 Тим. 4, 7). Чем больше христианин преуспевает в духовной жизни, тем больше он жаждет уйти из жизни земной, чтобы встретиться со Христом. Как пишет святой Иоанн Лествичник: «Тот без сомнения благоискусен, кто ежедневно ожидает смерти; а тот свят, кто желает ее на всякий час» (Ефрем Филофейский, «Моя жизнь со старцем Иосифом»).

Это, конечно же, не про нас, это про тех, кто не расставался с Иисусовой молитвой ни на секунду, и Христос был перед ними всегда. Для нас, для меня, это скорее грех мечтательности, никак не подкрепленный делами. Но греет же душу и хочется читать их мысли, удивляясь, что такие люди были, и были совсем недавно (Ефрем умер в Америке, в штате Аризона, 8 декабря 2019 года, то есть он наш современник), и они дают нам ориентир духовный, хотя для нас, мирских, и недосягаемый.

Так вот, это греет и вопрос «что делать?» отпадает. Но только до тех пор, пока внук и его ровесники (им по тридцать) его, вопрос этот, не произнесут. Или пока не выкрикнут в пылу не всегда рассудительной полемики: «Какое Православие!? Нет его, оно кончилось!», ссылаясь при этом на всем известные недавние факты. На Варфоломея Константинопольского, на Украину, в которой несколько православных церквей и много сект, на то, что греческий архимандрит Андрей Конанос, известный проповедник, вдруг снял с себя священнический сан и объявил об этом всему миру. Есть примеры такого рода и в Русской Православной Церкви: священник снимает с себя сан (на «Спасе» видим такие сюжеты) и немало чего другого. Право же, какое тут Православие? Молодой ум смотрит на подобные картинки и смущается, а потрудиться заглянуть в Историю Церкви или хотя бы прочесть «Деяния святых апостолов» и их Послания недосуг.

Разногласия и ереси начинались уже в апостольские времена, и им надо было противостоять. Церковь Христова, земная, и зовется воинствующей, а небесная — торжествующей. У «воинствующих», как известно, могут быть и поражения, и смутные времена. Когда произносят известную фразу «Жизнь есть борьба», речь идет не только о хлебе, как мы понимаем. Духовная брань, как у отдельного человека, так и у Церкви в целом, всегда есть. Она не прекращается и никогда не прекратится. Всегда будет то одна беда, то другая. Ныне вот коронавирусная эпидемия, с которой молодым придется долго жить.

Одно за другим сообщения: «батюшка, помяните тяжко болящего», «батюшка, помяните умершего». В три недели сгорел. Человек простыл — воспаление легких. Но под общую гребенку — в недоступную изоляцию, оттуда в закрытом гробе к паперти кладбищенской церкви на отпевание, потом погребение.

«Православие кончилось» не для всех. Один молодой человек приносит мне материал из Интернета. Сам радуется мыслям, там найденным, и меня радует. Известный митрополит Филарет Московский (современник Александра Пушкина), святой при жизни (в наше время канонизирован — причислен к лику святых), оставил свои высказывания. Им без малого двести лет, а они и сегодня нам пригодны. Не панические, а обнадеживающие и бодрящие дух. Часть из них о холере, которая началась в Москве в сентябре 1830 года и продержалась всю осень. В конце октября заражалось по сто человек в день (всё население Москвы составляло тогда порядка 300 000 человек), и все разговоры вращались вокруг одного: кто еще заболел за последние сутки и кто умер. Храмы, тем не менее, оставались открытыми.

В эти дни митрополит Филарет писал в одном из писем: «Напрасно более боятся молитвы, нежели болезни. Неужели молитва вреднее болезни? Пережив три холеры прежде нынешней, я видел довольно опытов, что, где усиливалась молитва, там болезнь ослабевала и прекращалась». Еще трижды Москва оказывалась во власти холеры (в 1847, 1848, 1855 годах), и всякий раз святитель Филарет возглавлял молебны «о предохранении от губительныя болезни» и всегда обращался к пастве наставлением. «Примечайте спасительное действие покаяния, — говорил владыка москвичам. — Примечайте необходимость молитвы во время общественных бедствий, и в особенности пользу молитвы, приносимой торжественно пред алтарем».

Святитель призывал народ не паниковать («Не смотрите большими глазами страха, которые обыкновенно видят то, чего нет, и не видят того, что есть»), а исследовать духовные причины происходящего и прибегнуть к Богу: «Исторгнем из сердец наших корень зол, сребролюбие. Возрастим милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь. Откажем чувственным желаниям, требующим ненужного. Возлюбим воздержание и пост. Облечемся, если не "во вретище", то в простоту... Презрим забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра. Умножим моления, тайные на всяком месте и во всякое время, общественные, по руководству Святыя Церкви. Употребим внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецелебноеврачевство, мирную, бескровную жертву, приобщением Пресвятого Тела и Крови Христовы».

«У страха глаза велики» — поговорка на все времена, никогда не устареет. Условия разные, возможности разные. А медицина тогда какая была?.. Но вот вера, точно, была крепче. И единство было — соборность. Ныне же кривотолков много и разногласия среди людей и даже среди священства. Нет убежденного Предводителя, твердого в Православной вере. Печальное состояние души...

Телефонный разговор с близким человеком, священником:

- Ты где? Мне сообщили, что тебя привезли к нам на Бор, в наш новомодный госпиталь.
- Да, брат, это так... Мне сейчас очень трудно говорить, созвонимся завтра.

— А сейчас ты где?

было не всё гладко.

- Лежу на кислородной подушке, кричу: «Матерь Божия, помоги мне дышать...» Думаю о Христе, как Ему было тяжело на Кресте... Дышу кислородом. Легкие сильно поражены.
 - И кто тебя сюда привез?
 - Ковид-19, прямо из Уреня...
- Про Христа, это ты хорошо мне напомнил. Я такой паникер, когда задыхаюсь. А ты молодец! Держись!.. Господи, услыши нас, грешных, и помилуй нас...

Так что же делать? Молиться! ОТЧЕ НАШ читать! Как следует.

Октябрь 2020 г.

КОВИДНЫЕ ЗАКАВЫКИ — 2

(Беседа с воспитателями детсада «Былина»)

Добрый день, сёстры! В прошлый раз мы с вами определились... Помните вопрос Александра Сергеевича Пушкина: «Жизнь, зачем ты мне дана?». Сам он не находил ответа. Ему помог — дал ответ — митрополит Филарет (Дроздов) Московский, написав: «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана...»

У человека религиозного (верующего) есть чёткое понятие (или должно быть): для чего жизнь земная дана человеку. Для того чтобы приготовить себя для жизни Небесной — вечной. Потому и живёт (или старается жить) человек по заповедям, по Уставам Церкви, по совести.

На практике это не всегда получается, бывает, вовсе не получается. Жизнь во все времена предлагает свои соблазны, от которых большинство людей не смогает уйти, а поддаётся им и сворачивает со спасительного пути, то есть уходит от Бога. Как по известной евангельской притче «Блудный сын»: ушёл сын от отца «в страну далече».

Следует оговориться, на чём основываюсь и утверждаю свою беседу. На Евангелии — Новом Завете! В Евангелии от Матфея в последней главе есть слова, сказанные Христом перед Его Вознесением ученикам (как бы последнее наставление): «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф.28: 19-20). Этот наказ Христов относится и к нам. Всякий христианин, а тем более священник, в идеале должен говорить о своей вере, о Христе. Сам факт двухтысячелетнего нашего существования говорит об этом, хотя в нашем тысячелетнем (чуть больше, в 988 году Русь приняла крещение)

Было время смут и открытого безбожия. Вот и сегодня нам выпало смутное время, и мы в нём утрачиваем ориентиры, забываем заповеди, церковные установки, теряем веру и, пребывая в страхе, боимся смерти, как будто её кто-то год назад отменил. Такое воззрение ещё можно простить человеку неверующему или просто невоцерковлённому, но оно не простительно верующему, каждый вечер читающему в молитвах «На сон грядущим» слова: «Владыко человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет; или еще окаянную мою душу просветиши днем; се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит...». Это молитва святого Иоанна Дамаскина и, читая её, человек указывает на одр (постель) свою... То есть память о смерти у христианина — это нормальное его психическое состояние. Она, память, отнюдь не мешает планировать завтрашний день, если «еще окаянную мою душу просветиши днем» — если проснусь и буду здоров. Бывает же, и во сне умирают.

Кроме слов «идите научите все народы», Он говорил ещё Своим ученикам, а значит и их последователям — нам, такое: «В мире скорбни

будете, но мужайтесь. Я победил мир». Целых три века «скорби» были кровавыми, и многие (ставшие святыми) шли добровольно на страдания, за Христа, за веру в Него, да ещё и с радостью. Очевидно, памятуя Его слова: «Мужайтесь, Я победил мир».

В чём победа? Христос Воскрес — победил смерть, разрушил ад, восстановил рай. Дал человекам возможность по смерти земной войти в Вечность и быть со Христом... Возможность! Да, да, жизнь есть борьба. За душу нужно тоже бороться.

Ещё летом, в начале эпидемии, один врач-эпидемиолог, кажется, Игорь Гундаров, говорил (тогда по поводу панических новостей о событиях в Италии), что бороться нужно не с вирусом, а с паникой и страхом, которые старательные СМИ нам нагнетают. Подобное нагнетание страха смерти ныне у нас налицо, и, кажется, не просматривается улучшения. Другой врач-психиатр Вячеслав Боровскихвыражает своё удивление на поведение верующих людей. Христианам не подобает такое состояние — боязнь смерти.

На днях читал дневное Евангелие от Луки: «Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь» (Лк. 12: 4-5). В толковании этого отрывка из Евангелия мне открылся такой текст:

«Самый большой страх у нас — страх смерти. Но Господь говорит, что страх Божий должен быть выше страха смертного. Когда так сложатся обстоятельства, что необходимо или потерять жизнь, или поступить против внушений страха Божия — лучше умри, но не иди против страха Божия. Потому что если пойдёшь против страха Божия, то по смерти телесной, которой всё-таки не миновать, встретишь другую смерть, которая безмерно страшнее всех страшнейших смертей телесных. Если бы это последнее имелось всегда в мысли, страх Божий не ослабевал бы в нас и не было бы у нас никаких дел, противных страху Божию» (Феофан Затворник. «Мысли на каждый день года»).

Вот такой перед нами стоит выбор. Очень не простой, даже при наличии веры. А если она у нас слаба, то вовсе нелегко устоять.

* * *

Попросили меня причастить на дому нашу прихожанку. Она живет на Бору, но к нам во Владимирово часто приезжала на службу. Долго уже болеет. Её родственник приехал за мной, и мы исполнили её просьбу. Возвращаясь назад, я попросил его заехать в центральную аптеку (у меня кончились пилюли). Вхожу туда — в облачении, со Святыми Дарами на груди. Мне и в голову не пришло, что «масочный режим» на дворе. А там все в масках. Довольно много покупателей, человек семь, и три продавца за прилавком. Продавщица мне говорит: «Батюшка, наденьте маску». Я отвечаю:

«У меня нет маски, но я со Святыми Дарами и с Крестом, поэтому мне можно. Вы же знаете, что не бывает правил без исключения! (Тут уже все присутствующие повернулись в мою сторону — нарушитель же порядка). Машина скорой помощи или полиция в экстремальных случаях включает особый сигнал и едет на красный свет. А правила дорожного движения, как кто-то сказал, «написаны кровью». Кроме того, если я, будучи со Святыми Дарами на груди, надену маску, это будет значить, что я умаляю Святое-Божественное, и признаю «силу вируса». Этого я никак допустить не могу...»

Лекарство мне продали, но уверенности, что меня все присутствующие поняли, у меня не было. Напряжение во мне осталось. Разделённость, отчуждённость и подозрительность в нашем обществе явно имеется. И печаль, граничащая с унынием, не покидает.

Вспомнилось. Один маститый священник рассказывал, как будучи юношей наблюдал у них в станице, когда священник шёл со Святыми Дарами по селу, чтобы причастить болящего на дому, то впереди него шёл мальчик с горящей свечой и колокольчиком позванивал. Жители из ближайших домов низко кланялись в молчании. Так было во Святой Руси, хотя было уже советское время. Сегодня для нас такое может быть только в кино, но невольно возникает мысль: а мы, боровляне, проходя, к примеру, мимо Сергиевской слободы, где проходим? Разве не через Святую Русь? Или мы это утратили напрочь, навсегда и везде? И остались красивые декорации? Находясь в общественных местах, в аптеке или в магазинах (и даже в храмах) и видя напряжённые, растерянные или безразличные лица, мысленно недоумеваешь: что-то с нами происходит неладное. Можно найти, кстати, в Интернете беседу врача-психотерапевта Вячеслава Боровских, он это лучше меня разъясняет.

А политический философ Александр Щипков рассуждает: «Нам предлагают жить в обществе страха, нас учат жить в страхе, тренируют бояться». По его мнению, «страх порождает неуверенность общества в собственных силах и в способности что-либо изменить. В конечном счете, страх приводит к унынию, которое в христианской аскетике считается смертным грехом». Представитель Церкви напоминает слова святого апостола Павла: «Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2 Кор. 7:10). По словам Александра Щипкова, находиться в состоянии постоянного страха для общества крайне опасно (Ведомости Нижегородской митрополии, 13 октября 2020, из статьи заместителя главы Всемирного русского народного собора Александра Щипкова).

Простой (неучёный) человек видит таковую опасность, сопереживает, не зная, как объяснить. А если объяснения есть, то в реальности может что-то измениться? Не знаю. Знаю только, что такую информацию хорошо хотя бы знать, чтобы изживать из себя животный страх. И остаётся нам молиться и уповать на Милость Божию.

Господи, пошли нам мужества, терпения и мудрости, чтобы достойно христианина встречать антихристовы происки.

Ноябрь 2020 г.

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ В «КОВИДНЫЕ ДНИ» ОКТЯБРЬ-НОЯБРЬ 2020

- Зачем ты рисуешь? спрашивает внучка дедушку.
- Как зачем?.. А ты слышала когда-нибудь, как воет собака?.. Я однажды слышал и видел. Это было на площади, я стоял на автобусной остановке. Она в самом центре у флагштоков подняла морду кверху, будто к небу, и выла, выла. Это было так тоскливо, но и выразительно... Она же собака, и не умеет рисовать. Я рисую для того, чтобы сказать, что я человек. А человек со-творец... И как бы тяжко ему ни было, он старается выразиться: в рисовании, в музыке, в песне, в молитве.